

К. Д. Токарева

КАТЕГОРИИ ДИАЛОГИЗМА И ЭГОЦЕНТРИЗМА В МЕМУАРНЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ XX–XXI ВВ.

В статье исследуются особенности взаимодействия и языковой репрезентации ключевых категорий мемуарного текста — диалогизма и эгоцентризма, обуславливающих его субъективную направленность и формирующих особенности актуализации в нем фундаментальной оппозиции «Я — Другой». Оппозиция «Я — Другой» представляет собой особый способ познания мира человеком, регулирует его поведение и организует его знания, которые находят отражение в системе языка. Рассматривается авторское Я, проявляющееся на двух уровнях: на уровне восприятия событий, бытующих в данный момент, и на уровне представлений, сформированных на основе событий прошлого. Материалом исследования являются англоязычные мемуары XX–XXI вв. (Х. Дулиттл, Л. Силко, А. Силлитоу, К. Хилла).

Ключевые слова: мемуарный текст, диалогизм, эгоцентризм, языковой эгоцентризм, языковая личность, оппозиция «Я — Другой».

К. Tokareva

CATEGORIES OF DIALOGISM AND EGOCENTRISM IN ENGLISH-LANGUAGE MEMOIRS OF THE 20TH–21ST CENTURIES

The article focuses on dialogism and egocentrism as the key categories of the memoir text which determine its subjective orientation and form the specifics of actualisation of the fundamental opposition “Self — Other” contained in it. The article analyses the main aspects of interaction and language representation of the said categories. The opposition “Self — Other” is a special way of understanding the world by a person; it also regulates a person’s behaviour and organises his knowledge which is reflected in the language system. The article analyses a memoir author’s Self which manifests itself at two levels: the level of perception of events that exist at the moment, and at the level of ideas formed on the basis of past events. The material of the research includes the English-language memoirs of the 20th–21st centuries (H. Doolittle, L. Silko, A. Sillito, K. Hill).

Keywords: memoir text, dialogism, egocentrism, language egocentrism, language personality, opposition “Self — Other”.

Дихотомия является универсальным средством восприятия образа мира. Универсальное средство описания дихотомии — бинарная оппозиция — основывается на противопоставлении двух объектов, составляющих части дихотомии, и выражает двоичность восприятия человеком мира как единого и неделимого целого [20]. Отражая стороны одной и той же сущности, противоположности представляют собой союз тождественного и различного.

Согласно М. М. Бахтину, составляющие оппозиции «Я — Другой» можно охарактеризовать следующим образом: «Два принципиально различные, но соотносимые между собой ценностные центры, которые “знает жизнь”; вокруг себя и другого распределяются и размещаются “все конкретные моменты бытия”» [4, с. 67]. На основе взаимодействия данных ценностных центров возникает коммуникация, т. е. диалог, через который Я осмысливает собственную

личность и свое отношение к Другому. Еще Аристотель различал в структуре речи три компонента: самого оратора, предмет его выступления и лицо, к которому он обращается, — это лицо (Другой) и есть конечная цель всего [1].

М. Бубер, вводя в науку понятие диалога как способа бытия, описал два вида диалога, раскрывающие специфику отношений Я с Другим, который может быть миром или Богом. Особый интерес для понимания рассматриваемой нами оппозиции представляет мнение М. Бубера о возможности экстраполяции понятия «Другой» не только на сферу человеческих взаимоотношений, но и на объективный мир. Другим по отношению к Я (например, к Я автора текста. — *К. Т.*), может оказаться культурная среда, предметный мир [6].

Одно из наиболее значимых исследований феномена Другого и диалогизма принадлежит М. М. Бахтину. В ранних эссе «К философии поступка» и «Искусство и ответственность» Бахтин практически не упоминает о диалоге, но прослеживает процесс выявления Другого для Я, т. е. определяет роль Другого в идентификации Я и его мира, осмысливая интересующую нас оппозицию [3; 4]. Я и Другой характеризуются как участники диалога уже в этих ранних работах. Вместе с тем М. М. Бахтин еще не рассматривает то, как Я ориентируется на другого человека, и, следовательно, не описывает взаимодействие, которое не может осуществляться без общения. Другой еще не представлен как целостная личность, с которой выстраивается диалог, однако структура любого события задается наличием Я и Другого. Другой выделяется в соотнесенности с Я и осознает себя только через контакт с ним. Слово, по М. М. Бахтину, позволяет создать контакт между Я и Другим, поэтому важно правильно ориентировать слово на собеседника. Слово определяется не только тем, кому оно принадлежит, но и тем, кому оно предназначается. Субъект коммуникации оформляет себя в слове «с точки зрения другого» [5].

По этой причине в реализации значения и смысла на уровне высказываний важную роль играет как адресант, так и адресат общения.

Представление диалога, в котором Другой объявляется условием самоидентификации Я, подразумевается широкой трактовкой этого понятия. Диалог в узкой трактовке определяется как тип коммуникации и реализуется через конкретный тип текста. В лингвистике выделяется несколько категорий, основанных на идее диалога: «диалогичность», «диалогизация» и «диалогизм». По мнению А. П. Стельмашук, диалогичность «проявляется в ориентированности на адресата, отражается в языковых особенностях высказывания» [26, с. 9] и как одно из основных свойств текста подчиняет себе адресацию и диалогизацию. Адресация фиксирует адресную направленность диалогичности, а диалогизация маркирует ее синтаксически. Отражая не только адресованность речевого высказывания, но и его «двуначалие», диалогизация реализуется с помощью иерархически организованной системой синтаксических средств, репрезентирующих межличностность общения [26].

В основе любого диалога находится намерение адресанта (Я) воздействовать на адресата (Другого), т. к. любое высказывание служит приглашением и требует ответа от Другого самим фактом обращенности к нему. Диалог — это воздействие высказыванием на поведение или образ мыслей собеседника. Коммуникативная роль участников диалога, таким образом, состоит в формировании цели сообщения, а выбранный ими подход к изложению своих мыслей должен обеспечить хотя бы минимальный уровень понимания.

Исследование языковой репрезентации Другого и противопоставленного ему Я проводится нами на основе мемуарных текстов (далее — МТ), которые повествуют о событиях из жизни автора и относятся к классу мнемонических [22]. В центре повествования МТ находится рассказывающее «я», «эго», происходит диалог Я и Другого, объективи-

руемый языковой данностью текста. Совместная интерпретация смысла — одна из наиболее существенных характеристик диалогической коммуникации. Личность становится в ней личностью и познает себя как таковую, т. е. самоидентифицируется, только в соотнесенности с Другим. Как отмечает И. А. Щирова, «проблематизация отношения к миру и к “Я” как его части ставится в зависимость от Другого» [27, с. 201] — носителя индивидуального, группового или общественного сознания. Текст превращается в действенное средство манифестации авторской ценностной позиции, убеждения читателя в ее правомерности и в конечном итоге модификации «когнитивной системы читателя» в направлении, коррелирующим с авторскими ценностными ориентациями [27, с. 201]. Оппозиция «Я — Другой» представляет собой особый способ познания мира человеком, регулирует его поведение и организует его знания, находящие отражение в языке.

Поскольку МТ повествует о событиях, удаленных на временной оси от точки, в которой это повествование создается, автор излагает свое понимание событий, обращаясь к памяти и извлекая из воспоминаний необходимые факты. Специфика реализации пространственно-временных отношений заключается в том, что время реализуется в сопоставлении прошлого (времени события) и настоящего (времени повествования), а пространство — в сопоставлении действительного пространства, находящегося во времени события, с текстовым пространством, которое находится во времени повествования [22].

Пространственно-временная организация повествования в МТ осуществляется автором, который отбирает для описания наиболее важные, по его мнению, факты и события, а также номинирующие и оценивающие их языковые средства [22]. Создавая образы событий и их участников, автор опосредованно создает свой собственный образ, в который вкладывает оценку собственного Я

и тех его качеств, которыми это Я обладало на момент событий и на момент повествования о них.

Авторское Я проявляется на двух уровнях: на уровне восприятия событий, бытующих в данный момент, и на уровне представлений, сформированных на основе событий прошлого. Автор описывает взаимодействие Я-повествующего и Я-повествуемого, объединяя в своем лице три ипостаси: автора, рассказчика и героя повествования. По заключению Л. М. Ньюбиной, «в этом и заключается наивысшая степень эгоцентрической субъективности МТ» [22, с. 15–16].

Так, помимо категории диалогизма можно выделить еще одну категорию, значимую для понимания природы МТ и являющуюся его неотъемлемой характеристикой, — эгоцентризм [22; 17]. В лингвистических описаниях понятие языкового эгоцентризма коррелирует с понятием антропоцентризма и рассматривается по отношению к нему как частное по отношению к общему. Эгоцентризм подчеркивает субъектность речи, то есть указывает на автора высказывания как на субъекта представленной в тексте индивидуальной точки зрения [1]. Термин «языковой эгоцентризм» обозначает актуализацию категории эгоцентризма посредством языковых средств, которые основываются на «указании относительно говорящего» [16, с. 10].

Впервые на принцип языкового эгоцентризма в его широком понимании, но без применения соответствующей терминологии, обратил внимание В. Гумбольдт. Ученый выделил два типа слов — «объективные и субъективные корни», отметив, что первые способны выступать как производящие для других слов, а вторые «очевидно отчеканены самим языком. Значение их не допускает никакой широты, а напротив, всегда является выражением четкой индивидуальности» [10, с. 115]. По мнению В. Гумбольдта, большинство слов имеет повествовательный или описательный характер, обозначают объекты, их свойства и действия как таковые, не соотносясь с какой-либо языковой личностью,

тогда как значением некоторых других слов становится именно ее выражение [10]. Если к словам первого типа относится большинство производных и производящих слов, то к словам второго типа принадлежат местоимения, предлоги и междометия. Так, местоимение «я» предполагает существование «ты»; личные местоимения находятся в связи с внешним пространством и с внутренним восприятием; к местоимениям примыкают предлоги, которые маркируют внешнее пространство, и междометия, выражающие внутреннее восприятие [10].

Языковой эгоцентризм может пониматься в широком и в узком смысле. В. А. Гуреев соотносит широкое видение языкового эгоцентризма со «взглядом на язык как результат эготворческой деятельности человека» [11, с. 3]. В узком смысле языковой эгоцентризм ориентирован «на ситуацию речевого общения, на участников данной ситуации, а также их роли — с Я как субъектом речевой деятельности, ориентированным на позицию наблюдателя» [11, с. 3].

К языковым маркерам эгоцентризма традиционно причисляются: дейктические слова (*здесь, сейчас, сегодня, завтра, тут, там, этот, тот, вон, вот* и т. п.), дейктические грамматические категории (вид, время, наклонение), показатели субъективной модальности (вводные слова, типа *кажется, к сожалению*); показатели неопределенности (*какой-то*); оценочные слова и экспрессивы (*превосходный, супер*); метатекстовые показатели (*таки, иначе говоря*), частицы типа *разве, неужели, даже, хоть, якобы*; диалогические реакции (*да, нет, в самом деле*), междометия (*Ах! Ой!*), личные местоимения (я, ты, он) [24, с. 1]. Функционирование данных маркеров обнаруживается и в анализируемых нами МТ. Категория языкового эгоцентризма реализует оппозицию «Я — Другой»; это выражается в том, что языковые маркеры эгоцентризма формируют пространство Я (*здесь, сейчас, тут, этот* и т. д.), которое отделяется от пространства Другого (*там, тот, вон* и т. д.).

Ср.:

личные местоимения: «*I came back. I told the Professor why I had come back*» [29, p. 5];

указательные местоимения, например: «*Sometimes in this casual environment you could almost forget he was the President of the United States*» [30, p. 161];

наречия *here, there, now*, например: «*Perhaps it is not very important now*» [29, с. 8].

Наряду с рассмотренными категориями диалогизма и эгоцентризма следует назвать еще одно понятие, необходимое для осмысления оппозиции «Я — Другой» и выявления особенностей ее реализации в МТ, — это понятие «языковая личность». Человек существует в языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов. Он является центральной фигурой языка и главным действующим лицом того мира, о котором он говорит [13]. Он является языковой личностью, носителем языкового сознания. Ю. Н. Караулов характеризует языковую личность следующим образом. Во-первых, языковая личность — это носитель определенного языка, характеризующийся на основании анализа тех текстов, которые он произвел, с точки зрения того, как он использует системные средства языка для передачи своего видения мира и для достижения осязаемых целей в этом мире. Во-вторых, языковая личность — это «языковые способности индивида, в которых сочетаются функциональный анализ текста и системное представление языка» [14, с. 156].

В анализируемой нами оппозиции авторское Я как языковая личность неизбежно взаимодействует с языковой личностью Другого, в то время как по отношению к смыслам и текстам, созданным иными языковыми личностями, она становится Другим. В качестве Другого языковая личность автора может выступить и по отношению к тексту, созданному ею самой.

В рамках классической концепции языковой личности Ю. Н. Караулова, языковая личность автора в любом тексте реализуется на трех уровнях: вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом. Взаимодействие этих уровней образует «коммуникативное пространство личности». На первом уровне языковая личность проявляется во владении субъектом естественным языком и его возможности использовать языковые средства в речи. На втором уровне происходит преобразование действительности в процессе осмысления и постижения этой действительности субъектом и составлении им упорядоченной картины мира. На прагматическом уровне осуществляется выявление интенций субъекта, его мотивов [15]. На данном уровне функционируют «дейксис, оценка и пресуппозиция как общий фонд знаний коммуникантов» [15, с. 98].

Обратимся к примерам, эксплицирующим взаимодействие Я и Другого в тексте англоязычных мемуаров, а именно в мемуарах Х. Дулитл, Л. М. Силко, А. Силлитоу, К. Хилла.

На вербально-семантическом уровне текста языковая личность автора часто проявляется в диалоге, участниками которого в нижеприведенном примере являются Я (мемуарист) и Другой (читатель). Средством реализации диалогичности служит вопросительное предложение, маркирующее адресованность создаваемого текста мемуаров на его читателя, т. е. потенциальное присутствие Другого.

«*Sometime in the late 1950s (was it one of the times she thought Grandpa Hank was having an affair?) Grandma Lillie took the Hopi basket full of snapshots and a pair of sharp scissors and carefully cut out her face from every photograph*» [31, p. 32].

В следующем примере диалогичность создается с помощью побудительной конструкции, которая также служит для выстраивания диалога с Другим. Автор обращается к читателю во вступлении к мемуарам, обозначает присутствие читателя, указывая на

то, что читатель играет важную роль в данном повествовании.

«*So let me pick up another strand of my raw material, and begin to interweave several threads as I go along*» [32, p. 4].

Языковая личность автора МТ на вербально-семантическом уровне репрезентируется с помощью языковых средств, реализующих экспрессивность и эгоцентрический характер текстотипа.

Например: «*I used to wonder why he ran away from home at fourteen*» [31, p. 32].

Оборот *used to wonder*, применяемый для передачи повторяющихся событий в прошлом, позволяет автору описать не покидающее его чувство, поскольку давнее событие, на которое указывает данный оборот, воссоздается в мемуарном тексте.

Или:

«*Still the clouds were very lovely — I could smell their sweet moisture and felt the coolness as I watched them move past*».

Приведенное высказывание содержит перцептивные лексические единицы (*felt, smell*) и модальный глагол (*could*).

Обращение автора к событиям памяти может выражаться и посредством ментальной лексики:

«*Fortunately my subconscious remembers everything I need*» [31, p. 3]; «*I have no memory of what happened*» [31, p. 74]; «*Why did I forget the caterpillar? Why did I remember it?*» [29, p. 131]

На когнитивном уровне диалогизм МТ проявляется через осмысление языковой личностью мемуариста собственного опыта и опыта читателя в их предполагаемом взаимодействии.

Например: «*It felt as though I had been demoted from the starting lineup to the bench. I was devastated*» [30, p. 15].

Действия других людей оцениваются автором как вызывающие замешательство и непонимание, что обозначается в тексте с помощью конструкции *as though I had been demoted from the starting lineup to the bench* и слова *devastated*.

Языковая личность мемуариста выстраивается с помощью воссоздания индивидуально-авторской метафорической картины мира, которая формируется под влиянием оценки и осмысления автором событий прошлого и своего в них участия. Преломляясь в призме авторского восприятия, реальные события интерпретируются и образуют текст, в котором взаимодействуют описание фактов и индивидуальные характеристики авторского сознания: открытие себя в контексте событий, объективная подача фактов, рефлексия, творческое осмысление действительности.

Например: «*We tend to think of solid matter as incompressible — hard stuff of fixed volume — but it does in fact shrink and expand. The girders of steel bridge that together span a thousand feet in the summer my shrink to 999 feet, for inches in the coldest winter day. Imagine instead (if you can!) a ten-fold compression in each dimension*» [32, p. 9]. Автор рассказывает читателю о научном эксперименте, приводит научные данные; чтобы образно представить эту информацию читателю, он использует сравнение, при этом обращается к читателю *Imagine* и оценивает возможности читателя верно интерпретировать этот образ (*if you can!*).

На прагматическом уровне языковая личность автора проявляется в оценке событий и роли в них автора читателями.

«*Did Ulam come in with a full understanding of why compression might be the key to success in designing an H bomb? We don't know. Had Teller ever seriously entertained the idea of compression before? We don't know*» [32, p. 8]. В данном примере, который воспроизводит рассуждение автора о причинах события прошлого, ставятся вопросы, которые могли бы исходить от читателя, и автор сам дает ответы на них.

На прагматическом уровне языковая личность мемуариста репрезентируется в единстве трех аспектов: создателя текста, рассказчика о событиях и главного действующего лица повествования. Авторская

интенция направлена на воспоминание и анализ событий прошлого, с тем чтобы дать им оценку и таким образом способствовать собственному самовыражению.

Например: «*The USSR had a complement of nuclear scientists as competent as those in the United States*» [32, p. 10]. В данном предложении содержатся факты: *the USSR had a complement of nuclear scientists*, которым дается оценка: *as competent as those in the United States*. Поскольку автор относится к ученым США, о высокой компетентности которых он говорит, следовательно, он и себя оценивает как высококвалифицированного специалиста.

Эгоцентризм МТ подразумевает процесс познания субъектом самого себя, проявляет отличительные качества и свойства субъекта, отличающие Я от Другого и выделяемые самим Я в ходе самоидентификации.

Помимо охарактеризованного нами понятия ЯЛ, ключевым для осознания взаимоотношения Я и Другого можно назвать понятие самоидентификации, связанное по смыслу с понятиями идентификации и идентичности.

Идентификация означает процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида с другим человеком или образцом «соотнесения воспринимаемых или припоминаемых объектов с другими, известными человеку объектами», «отождествления человеком себя с членами определенной социальной группы» [21, с. 144]. Идентичность (identity) — «внутреннее, субъективное состояние человека, в котором выражается осознание человеком себя как своеобразной, устойчивой личности» [21, с. 145]. Идентичность определяется этнической принадлежностью, вероисповеданием, возрастом, профессиональной сферой и т. д. О. А. Леонтович пишет, что «ядром идентичности является собственный образ личности, возникающий в ее сознании, который культура дополняет так, что образ воспринимается целостно» [19, с. 161] и отмечает, что личность использует себя как стандарт для сравнения [19].

В процессе самоидентификации языковая личность общается с «другим собой», становится участником внутреннего диалога, который, как считает Б. Вальденфельс, является не просто склонностью к анализу своих внутренних состояний, но и объединением субъектом своего внутреннего опыта. Я осмысливается не иначе как во взаимодействии с Другим и в противопоставлении Другому. Б. Вальденфельс подчеркивает, что «интрасубъективная разноплановость индивида так же тяжела для понимания других, как и для его собственного, т. к. его (индивида) существование возможно только внутри происходящих в нем процессов» [7, с. 126]. В процессе самоидентификации, отмечает М. А. Лаппо, используются маркеры самообозначения: «язык, речь, одежда, питание, жилище, ритуалы, все поведение в целом» [10, с. 16]. Если рассматривать самоидентификацию как процесс, касающийся языковой личности, то маркерами самоидентификации можно признать «самоидентифицирующие высказывания как результат самоидентифицирующего суждения» [18, с. 16].

Таким образом, в условиях диалога существование Я и Другого взаимообусловлено: без Я невозможно выделение Другого, как и выделение Я без Другого. Язык субъекта текста, т. е. Я, ориентирован на присутствие Другого: автор осуществляет отбор фактов и выбор языковых средств с учетом того, как воспримет их Другой. Необходимо, чтобы восприятие текста Другим соответствовало мотивам и интенции автора текста. Автор

актуализируется в МТ как носитель интенции, реализуемой с помощью набора языковых средств, воспроизводящих намеренно отобранные им факты, события, исторические персоналии.

Исходя из всего сказанного выше, к числу типологических характеристик МТ представляется оправданным отнести:

- события прошлого как предмет изображения;
- взаимодействие двух временных планов: времени события и времени повествования (автор обращается к воспоминаниям и создает рассказ);
- взаимодействие объективного и субъективного начал, которое выражается в сочетании документальности повествования и личностного осмысления, восприятия фактов посредством авторского мировоззрения;
- взаимодействие категорий диалогизма и эгоцентризма, реализующих универсальную оппозицию «Я — Другой», специфика которого состоит в выражении процесса самоидентификации автора мемуарного текста (Я), базирующемся на отделении Я от Другого и вступлении с ним в диалог.

Кроме того, было выявлено, что мемуарный текст как текст эгоцентрического характера имеет несколько неотъемлемых свойств: субъективность, оценочность, экспрессивность. Данные свойства обуславливают использование автором мемуарного текста соответствующих разнообразных языковых средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абросимова Н. Г.* Параметры изучения эгоцентризма в современной лингвистике текста (на материале немецкого языка) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2018. № 9-2 (87). С. 311–315. <https://www.doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.21>
2. *Аристотель.* Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. 1392 с.
3. *Бахтин М. М.* Искусство и ответственность // *Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов.* М.: Русские словари, 2003. С. 5–6.
4. *Бахтин М. М.* К философии поступка // *Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов.* М.: Русские словари, 2003. С. 7–68.
5. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.

6. Бубер М. Я и Ты // Квинтэссенция: философский альманах. 1991 / под ред. В. И. Мудрагея. М.: Политиздат, 1992. С. 294–370.
7. Вальденфельс Б. Мотив чужого: Сб. пер. с нем. Минск: ПроPILEI, 1999. 176 с.
8. Голубева Т. И. Время в произведениях мемуарной литературы (на материале дневников) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-2 (48). С. 62–65.
9. Григорьева Е. А., Петрова О. А. К вопросу о категории субъективной оценки в русской мемуарной литературе // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 140–144.
10. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
11. Гуреев В. А. Проблема субъективности в когнитивной лингвистике // Известия Российской Академии Наук. Серия «Литература и язык». 2005. Т. 64. № 1. С. 3–9.
12. Демидова Е. В. Появление Другого у раннего М. М. Бахтина // Этическая мысль. 2015. Т. 15. № 1. С. 274–296.
13. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
14. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. 180 с.
15. Караулов Ю. Н., Красильникова Е. В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–10.
16. Кравченко А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1992. 212 с.
17. Кузьмина С. Г. Когнитивно-речевые особенности автора мнемонического текста // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2016. № 1. С. 12–19.
18. Ланно М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.
19. Леонтович О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград: Перемена, 2003. 399 с.
20. Малинович М. В., Малинович Ю. М. Универсальные смыслы и категории в языке: классические традиции. Современность. Перспективы // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2s (18). С. 162–170.
21. Немов Р. С. Психологический словарь. М.: ВЛАДОС, 2007. 560 с.
22. Нюбина Л. М. Мемуарный текст как многомерный когнитивный феномен. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/4_SND_2013/Philologia/3_128694.doc.htm (дата обращения: 01.10.2020).
23. Орлова Н. А. Речевой жанр «мемуары» и его реализация в текстах носителей разных типов речевой культуры: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 212 с.
24. Падучева Е. В. Эгоцентрические языковые единицы. 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru/pdf/egocentriki_20170428_final_print.pdf (дата обращения: 01.10.2020).
25. Романова Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. 295 с.
26. Стельмашук А. П. Диалогизация и способы ее реализации в различных речевых сферах современного русского языка: (Художественная и научная проза): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 429 с.
27. Щирова И. А. Идея субъективности в современной науке // Нова філологія. 2014. № 60. С. 199–203.
28. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. СПб.: Книжный Дом, 2007. 472 с.
29. Doolittle H. End to Torment: A memoir of Ezra Pound. New York: New Directions Publ., 1979. 96 p.
30. Hill C., McCubbin L. Mrs. Kennedy and Me: An intimate memoir. New York: Gallery Books Publ., 2012. 354 p.
31. Silco L. M. The Turquoise ledge: A memoir. New York: Viking Adult Publ., 2010. 336 p.
32. Sillitoe A. Raw material. London: Grafton Publ., 1987. 192 p.

REFERENCES

1. Abrosimova N. G. Parametry izucheniya egotsentrizma v sovremennoy lingvistike teksta (na materiale nemetskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 9-2 (87). S. 311–315. <https://www.doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.21>

2. *Aristotel'*. Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii. Minsk: Literatura, 1998. 1392 s.
3. *Bahtin M. M.* Iskusstvo i otvetstvennost' // *Sobranie sochineniy: V 7 t. T. 1: Filosofskaya estetika 1920-h godov.* M.: Russkie slovari, 2003. S. 5–6.
4. *Bahtin M. M.* K filosofii postupka // *Sobranie sochineniy: V 7 t. T. 1: Filosofskaya estetika 1920-h godov.* M.: Russkie slovari, 2003. C. 7–68.
5. *Bahtin M. M.* Problemy poetiki Dostoevskogo. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1972. 470 s.187
6. *Buber M.* Ya i Ty // *Kvintessentsiya: filosofskiy al'manah.* 1991 / pod red. V. I. Mudrageya. M.: Politizdat, 1992. S. 294–370.
7. *Val'denfel's B.* Motiv chuzhogo: Sb. per. s nem. Minsk: Propilei, 1999. 176 s.
8. *Golubeva T. I.* Vremya v proizvedeniyah memuarnoy literatury (na materiale dnevnikov) // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 2015. № 6-2 (48). S. 62–65.
9. *Grigor'eva E. A., Petrova O. A.* K voprosu o kategorii sub'ektivnoy otsenki v russkoy memuarnoy literature // *Vestnik Chuvashskogo universiteta.* 2014. № 4. S. 140–144.
10. *Gumbol'dt V.* Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. M.: Progress, 1984. 400 s.
11. *Gureev V. A.* Problema sub'ektivnosti v kognitivnoy lingvistike // *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk. Seriya 'Literatura i yazyk'.* 2005. T. 64. № 1. S. 3–9.
12. *Demidova E. V.* Poyavlenie Drugogo u rannego M. M. Bahtina // *Eticheskaya mysl'.* 2015. T. 15. № 1. S. 274–296.
13. *Zolotova G. A.* Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. M.: Nauka, 1982. 368 s.
14. *Karaulov Yu. N.* Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'. M.: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 1999. 180 s.
15. *Karaulov Yu. N., Krasil'nikova E. V.* Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya // *Yazyk i lichnost'.* M.: Nauka, 1989. S. 3–10.
16. *Kravchenko A. V.* Voprosy teorii ukazatel'nosti: Egotsentrichnost'. Deyktichnost'. Indeksal'nost'. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 1992. 212 s.
17. *Kuz'mina S. G.* Kognitivno-rechevye osobennosti avtora mnemonicheskogo teksta // *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya.* 2016. № 1. S. 12–19.
18. *Lappo M. A.* Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2013. 180 s.
19. *Leontovich O. A.* Rossiya i SShA: Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu. Volgograd: Peremena, 2003. 399 s.
20. *Malinovich M. V., Malinovich Yu. M.* Universal'nye smysly i kategorii v yazyke: klassicheskie traditsii. Sovremennost'. Perspektivy // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta.* 2012. № 2s (18). S. 162–170.
21. *Nemov R. S.* Psihologicheskiy slovar'. M.: VLADOS, 2007. 560 s.
22. *Nyubina L. M.* Memuarnyy tekst kak mnogomernyy kognitivnyy fenomen. [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.rusnauka.com/4_SND_2013/Philologia/3_128694.doc.htm (data obrashcheniya: 01.10.2020).
23. *Orlova N. A.* Rechevoy zhanr 'memuary' i ego realizatsiya v tekstah nositeley raznyh tipov rechevoy kul'tury: dis. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2004. 212 s.
24. *Paducheva E. V.* Egotsentricheskie yazykovye edinitsy. 2007. [Elektronnyy resurs]. URL: http://rusgram.ru/pdf/egocentriki_20170428_final_print.pdf (data obrashcheniya: 01.10.2020).
25. *Romanova T. V.* Modal'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya v sovremennoy memuarnoy literature. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2003. 295 s.
26. *Stel'mashuk A. P.* Dialogizatsiya i sposoby ee realizatsii v razlichnykh rechevykh sferah sovremennoy russkogo yazyka: (Hudozhestvennaya i nauchnaya proza): dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 1993. 429 s.
27. *Shchirova I. A.* Ideya sub'ektivnosti v sovremennoy nauke // *Nova filologiya.* 2014. № 60. S. 199–203.
28. *Shchirova I. A., Goncharova E. A.* Mnogomernost' teksta: ponimanie i interpretatsiya: Uchebnoe posobie. SPb.: Knizhnyy Dom, 2007. 472 s.
29. *Doolittle H.* End to Torment: A memoir of Ezra Pound. New York: New Directions Publ., 1979. 96 p.
30. *Hill C., McCubbin L.* Mrs. Kennedy and Me: An intimate memoir. New York: Gallery Books Publ., 2012. 354 p.
31. *Silco L. M.* The Turquoise ledge: A memoir. New York: Viking Adult Publ., 2010. 336 p.
32. *Sillitoe A.* Raw material. London: Grafton Publ., 1987. 192 p.